

ДИСКУРСОЛОГИЯ КАК СУДЬБА



Интервью с Ларой Николаевной Синельниковой

Подготовила и провела О. Ф. Русакова

Краткая справка

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии и методик преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте. Лара Николаевна является основателем научной школы «Дискурсология: язык, культура, общество» (год образования – 2000) на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Этапы развития и утверждения концепции научной школы отражены в 38 томах материалов 14 Международных конференций, участниками которых были как отечественные, так и зарубежные исследователи текста, стиля, дискурса. Ключевыми предметными областями дискурсологии как многоструктурной и многокомпонентной области научного знания, разрабатываемыми научной школой, стали: СМИ-дискурс, аксиологический дискурс, дискурсивная личность, политическая лингвистика, художественный дискурс, лингвистическая поэтика, гендерный дискурс, неориторика, имиджелогия, PR-дискурс.

Будучи вузовским преподавателем, Л.Н. Синельникова последовательно соединяет научный исследовательский опыт с учебной практикой, следуя принципу: *ничего нет практичнее хорошей теории*. В учебный план магистрантов-филологов Луганского национального университета по её инициативе включён курс «Стиль. Текст. Дискурс», спецкурсы «Гендерный дискурс» и «Местоимение в дискурсе». Для магистрантов Гуманитарно-педагогической академии разработаны элективные курсы: «Текст и дискурс» и «Дискурсология».

Л.Н. Синельникова – автор 350 научных и научно-методических работ, которые издавались в России, на Украине, в Польше, в Литве. В 2005 году написанные до этого периода статьи были изданы в 3-х томах под общим названием «Жизнь текста, или Текст жизни». Среди публикаций Лары Николаевны, заложивших методологическую основу дискурсологии и дискурс-анализа назовём следующие: Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып. 6. – Симферополь, 2003; Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. –

Екатеринбург, 2009. № 3 (29); *Политический дискурс Украины: территория раздора // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы.* – Волгоград: Перемена, 2009; *Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Учёные зап. Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2009. Т. 22 (61). № 1; *Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика.* – Екатеринбург, 2009. № 4; *Адресант как alter ego адресата // Respectus Philolooogicus.* – Vilniaus, 2010. № 17 (22); *Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика.* № 1 (31). – Екатеринбург, 2010; *О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе // Политическая лингвистика.* № 2 (32). – Екатеринбург, 2010; *PR-коммуникация в системе новых научных парадигм // Учёные записки Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные науки».* – Симферополь, 2010. Т. 23 (62). № 4; *Дискурс неопределённости в местоименном представлении. Электронный ресурс // Современный дискурс-анализ.* № 3, 2011. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada3.pdf>; *О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // Уч. зап. Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1; *Экспансия PR-коммуникаций в медиа-дискурс // Медиадискурс и проблемы медиаобразования. Материалы 1-й Междун. научно-практической конф.* – Омск, 2011; *Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* – Орёл. Вып. 9. 2011; *Нанолингвистика, или Язык велик в мелочах // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Межвузовский сборник научных трудов.* – Орёл, 2012. Вып. 10; *Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2013; *PR-дискурс как конвергентная социальная коммуникация. Современный дискурс-анализ.* № 8. 2013;

Дискурсивная семантика русских местоимений. Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии. Монография. – Palmarium academic publishing, 2013; *Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика.* – Екатеринбург, 2014. № 2 (48).

Л. Н. Синельникова в качестве приглашённого профессора приняла участие в Международной школе для молодёжи «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2009 год).

В 2007 году по представлению Луганского отделения всеукраинской общественной организации «Украинская Академия русистики» и Фонда поддержки региональных инициатив «Благовест» Л. Н. Синельниковой была вручена медаль В. Даля «За творческие достижения в литературе, журналистике, краеведении». В 2009 году она была награждена грамотой представительства Росотрудничества «За плодотворную деятельность по сохранению и развитию русского языка, науки и культуры в Украине и большой вклад в дело сохранения российско-украинской дружбы». В 2011 году была включена в электронную энциклопедию «Известные учёные России и стран СНГ», в 2013 году ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники».

Ответы на вопросы

– **Лара Николаевна, прежде чем перейти к вопросам, касающимся Ваших научных разработок в области дискурсологии, не могу не спросить у Вас, как Вы пережили трагические события на Украине? Что побудило Вас перебраться из Луганска в Крым? Какова судьба преподавателей Вашей кафедры в Луганске? Какова судьба самого Луганского университета?**

– Есть такой грустный афоризм: жизнь – это накопление потерь. Трагическое тоже не осознаётся сразу, оно накапливается, и в этом поэтапном накоплении тает вера в здравый смысл и надежда на разумные действия и решения власть предержавших. В итоге трагическое из социального контекста переходит в глубоко личное, и соединение того и другого особенно тяжело. Просто бесконечно болит душа. Часть

лета 2014 года я провела на даче в г. Счастье под звуковое сопровождение бесконечно летающих с разных сторон снарядов. Друзья начали беспокоиться, в том числе крымские. С Крымом я связана давно и крепко: была постоянной участницей Форума русистов Украины, членом филологических специализированных советов. Отсюда и маршрут: Луганск – Крым.

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий в Луганске – моя родная кафедра, которая состоит из моих учеников, каждому из которых я отдала часть своей жизни. Как и весь университет, разделение произошло «по живому»: часть осталась работать в Луганске, в ЛНР, часть вошла в Старобельский сегмент университета, находящийся под контролем другой власти. Я дала возможность каждому определиться самостоятельно. Расставались тяжело. Со всеми поддерживаю добрые отношения, в том числе – с аспирантами, которые остались неприкаемыми. Все сохранили привитую им в совместной работе порядочность, профессионализм и любовь к науке. Мы поддерживаем друг друга и надеемся на воссоединение ещё в этой жизни.

– **Как Вы оцениваете современную ситуацию на Украине? С кем сейчас украинская интеллигенция? С кем Вы продолжаете поддерживать контакты?**

– Ситуация крайне сложная. Ужасная во время боевых действий и тревожная во время перемирия, когда перестаёшь понимать, где «мягкая сила», а где «жёсткая» и каково их соотношение: слишком быстро и безответственно один вид силы переходит в другой. Украинская и русская интеллигенция в моём сознании были едины. Смена социальных предпочтений не исключается, исключается приспособленчество, предательство, замена толерантности на конфронтацию. Для интеллигента-филолога «слезинка ребёнка» не только интертекстуальная отсылка, а глубокая душевная боль по вполне конкретным поводам.

Украинская интеллигенция неоднородна, и многие её представители находятся сейчас в очень сложном положении, в положении разлада, разрыва между «внешним человеком», вынужденным выживать в реальных жизненных обстоятельствах, и «внутренним», ориентиру-

ванным на нравственность и порядочность как на вневременные категории. Каждый делает свой выбор. Особо сложным оказалось положение моих коллег-русистов. Надеюсь, не надолго. В одном из интервью, темой которого было русско-английское двуязычие художественного творчества, И. Бродский таким образом ответил на упрек об утрате русскости: «Если её можно утратить, – грош цена такой русскости». Позволю себе перефразировать сказанное великим поэтом: «Если в беспокойное и житейски не безопасное время интеллигентность можно утратить, – грош цена такой интеллигентности и таким интеллигентам». Не хотелось бы, чтобы хотя бы к части русско-украинской интеллигенции присоединилось определение «бесхребетная интеллигенция» (уже проходили). Контакты со многими украинскими друзьями пошли на убыль. Я это болезненно ощущаю. Но всегда действует компенсаторный механизм, и я приобретаю новых друзей – в Крыму, в разных городах России, что даёт мне основание для оптимистического утверждения: жизнь продолжается!

– **Что Вы думаете как специалист по медиадискурсу о работе украинских и российских СМИ?**

– И российские, и украинские СМИ находятся в состоянии информационной войны. Проигрыш есть с обеих сторон. Этот формат действий по определению меняет (нивелирует, трансформирует, приспособливает к своим интересам и т. д.) представление об объективности и непредвзятости в подаче материала. Об информационных войнах исследователи писали много и по-разному, но по большей части основываясь не на отечественном, а на зарубежном опыте. Комплексное описание деятельности российских и украинских СМИ в формате современной информационной войны – дело будущего, желательно, чтобы не далёкого: в практическом смысле «работа над ошибками» поможет повысить профессиональный уровень журналистов, их коммуникативную и риторическую культуру; в теоретическом – выявить приёмы формирования «повестки дня», ранее не описанные виды манипуляции общественным сознанием, последствия жёсткого управления информационной средой.

Информационная война – это война языковых знаков, номинаций как война дискурсов. На мой взгляд, аудит медиа-коммуникаций с позиций лингвистики дискурса – одна из первоочередных задач системного описания современной информационной войны.

В августе 2014 года, когда всё только начиналось, в луганской «Реальной газете» было опубликовано моё интервью под названием «Информационная война превращает общество в коммуналку». Приведу текст публикации.

«Любая попытка дать объективный текст о последних событиях разбивается о необходимость выбрать то или иное слово. «Террористы» захватили власть в Луганске или «ополченцы»? И «захватили» ли вообще или «взяли под контроль»? В Киеве – «законное правительство» или «хунта»? Кто противостоит непризнанным Луганской и Донецкой республикам – «регулярные войска» или «каратели», как их называют российские СМИ?

О роли слов в «войне и мире» украинского общества «РГ» беседует с профессором Луганского национального университета, заведующей кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Ларой Синельниковой.

Александр Белокобыльский

– *Лара Николаевна, возможна ли вообще беспристрастная журналистика, на ваш взгляд?*

– Информационное поле создают люди. Сам выбор информации, которую журналист хочет донести до аудитории, – это уже позиция. У каждого, кто работает в СМИ, есть своя исходная установка, и эта установка будет проявлена в журналистском тексте – в его композиции, в риторических приемах, выборе и толковании слов.

Помимо личных взглядов, профессиональных устремлений есть еще ангажированность журналистов... Как только журналист ангажирован, он становится носителем тенденциозной информации. А любая тенденциозность, оценочная безальтернативность – это знак жёсткой информационной войны.

Автор текста выбирает то слово, которое согласуется и с его установкой, и с ожиданием «своего» читателя. Современная масс-медийная среда дает ответ не столько на объективный вопрос «что случилось?», сколько на субъективные: «как вы это видите?», «зачем?», «чему и кому это служит?». И вот эта цепочка в её словесной наполненности имеет характер если не информационной войны, то, безусловно, информационного принуждения.

– *Хороший термин – информационное принуждение.*

– Очень хороший. Он указывает, что журналистские действия могут иногда идти по пути «давления словом». И в этом «давлении словом» как раз особую роль играет то, какие слова мы используем, чтобы обозначить и оценить события и их участников. «Как вы лодку назовете, так она и поплывет» – простая, почти житейская фраза, но в ней большой смысл. Публично говорящий человек, автор масс-медийных текстов не может быть избавлен от ответственности за сказанное. Время далеко не всё может списать. От выбранного слова зависит восприятие смысла, а вместе с этим и самой реальности. Прекрасно об этом сказал философ: «Правильно определяйте значения слов и вы избавите мир от половины его заблуждений» (Декарт). Слово определяет направления социального поведения людей. Это очень важная вещь: журналисты могут выполнять сохранную миссию, а могут быть носителями раздора.

– *В книге «Паблик рилейшнз» Г.Г. Почепцов пишет, что человек верит той информации, которой хочет верить. Слышит лишь то, что хочет слышать. Вот только почему он хочет верить тому, чему хочет верить?*

– Это фактор даже не столько психологии, сколько подсознательной мотивации. Каждый человек рос, учился в определённой среде, читал разные книги, у него был тот или иной ближний и дальний круг друзей, происходили определенные события в биографии. Все это формирует картину мира, и она неповторима, как отпечатки пальцев или радужная оболочка глаз. Мы разные. Естественно, человек будет верить тому, что он ожидает в контексте своего мировоззрения и жизненного опыта.

– *Например, верить все новым и новым доказательствам преступлений бандеровцев или, наоборот, – зверств НКВД под видом УПА. Воспринимать нынешний хаос в Украине как результат работы российских спецслужб – либо же западных. Находить подтверждения, что на Западной Украине все ненавидят Донбасс или, напротив, – что у нас на Востоке никакой культуры, только пьяные шахтеры под заборами валяются... И это никак не изменить?*

– Есть способы переориентации человека. И вот тут журналистика открывает широчайшее поле действий. Иногда она выходит на «большую дорогу» в этих действиях, создает целую серию событий, которые переворачивают сознание человека. Он вдруг думает: «Боже, в каком я мире жил! У меня были розовые очки! А теперь вы посмотрите: вот что сделали! вот что сделали!» И он постепенно под информационным напором меняет точку зрения.

Как же изменить сознание человека? Сознание изменяется не только под влиянием слова, но и под влиянием поступков. Человек склонен соотносить правду сказанного с правдой события.

Что касается Григория Григорьевича Почепцова, я по-разному могу оценить то, что он пишет. Но вот одно из его предложений по поводу информационных войн мне показались интересным.

Чтобы найти путь к примирению между Востоком и Западом Украины, между разными подходами к тому, что происходит сейчас в Украине, он предложил составить некий консенсусный список. В нем выделить группу положений, которые всегда людей сближают, затем определить среднюю зону – вопросы, по которым может быть дискуссия. И отдельно обозначить пункты, где не может быть единства, какие бы круглые столы ни проводились.

Он не перечислял, что можно сейчас обозначить в каждом сегменте, но упомянул американский опыт после войны Севера с Югом. Там удалось найти консенсус, поставив на первое место идею семьи, отношения к детям, родителям, животным. Разумеется, в этот список могут быть включены еще какие-то позиции. А потом потихонечку в эту часть списка можно умно,

этично, тонко перетягивать вопросы спорной сферы. К примеру, сферу родного языка. Не языка русского, украинского, государственного, официального, а – родного языка. Искренний человек никогда не скажет, что для него родной язык не имеет значения. Вот на этом и нужно строить разговор. Посадите меня рядом с человеком противоположной позиции для разговора о языковой проблеме – я найду поле для общего размышления по этому поводу сквозь призму родного языка, на котором не только можно говорить, но которому ещё нужно учиться.

– *Один из приемов информационной войны – «дегуманизация» противника. Его лишают человеческих черт, в том числе используя языковые средства: «ватники», «колорады», «правосеки», «свидомиты». А ведь вести переговоры могут лишь человек с человеком, никак не «правосек» с «ватником».*

– Любая эмблема такого рода – носитель скудомыслия по поводу явления. Используя ярлыки, человек отказывается воспринимать сущность происходящего, анализировать события и их участников во всей полноте. Думаю, в этих случаях можно говорить о том, что сознание просто зомбируется.

– *Причем, очевидно, не только извне: сам человек, повторяя эти наименования, как бы дает сам себе установку.*

– В мире, чтобы избежать подобных ярлыков, вводятся понятия толерантное общение (на уровне этики), политкорректное (на уровне межрасовых, межконфессиональных и межнациональных отношений), эмпатическое (на уровне психологии). Казалось бы, три таких крепких понятия! Но все ограничения рушатся, едва начинается информационная война. Общество превращается в коммунальную квартиру, для которой характерен ограниченный объем оценок: «Сам дурак!» – «От такого слышу!» Это удивительная вещь. Но горькая.

– *В начале апреля вы выступили с докладом об украинской информационной войне на научной конференции в Белгородском университете. Как российские коллеги восприняли ваше исследование?*

– Прекрасно восприняли. Я читала доклад по Скайпу – выехать туда не получилось: это

было уже достаточно горячее время. На первом пленарном заседании конференции передо мной выступал с докладом профессор МГУ, мой доклад был вторым. Организатор конференции, большой друг нашей кафедры, участник наших международных конференций Евгений Александрович Кожемякин написал мне потом, что все пленарное заседание прошло у них в обсуждении этого доклада.

Задача моя как лингвиста, дискурсолога, лингвополитолога – наблюдать за тем, как язык организует сообщество на определенном временном отрезке. Я ответила на ряд вопросов – связанных с журналистикой, положением дел на Украине. Мы здесь едины, мы пытаемся размышлять. Хороший ученый – всегда вне политики: не в смысле индифферентности, а в смысле порядочности».

Добавлю. Со времени публикации этого интервью прошёл почти год, и информационная война приобрела новые, ещё более мрачные краски. Последствия такой информационной войны не имеют единиц измерения.

– Какие сегодня настроения у интеллигенции Крыма? Как Вы оцениваете научный потенциал крымских гуманитариев?

Настроение в поликультурном обществе не может быть монолитно одинаковым и оцениваться по показателю «средней температуры по больнице», в то время как в отдельных палатах могут находиться люди с иным температурным градусом. Позитивный настрой преобладает, но постэйфорический период, как известно, самый сложный: нужно понять и органично принять новую систему ценностей, увидеть перспективу развития в новых условиях, смириться с перегрузкой в формальных действиях переходного периода, спланировать своё биографическое время, чтобы избежать потерь в реализации намеченных планов, и т. д.

В одном из интервью О. Ф. Русакова замечательно сказала: «Интеллектуальный потенциал – это лучший бренд для страны». О научном потенциале всех крымских гуманитариев мне трудно судить (время и результаты покажут!). О крымских филологах могу сказать уверенно: есть желание и личностные возможности за-

ниматься наукой, искать пути для интеграции гуманитарного знания, осознания его целостности. К слову, проведённая в начале апреля 2015 года в Гуманитарно-педагогической академии (г. Ялта) научно-практическая конференция «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» показала, что дискурсология – наука, обладающая колоссальными возможностями объединения гуманитариев. Естественно ожидание поддержки учёных российского Крыма в виде сбалансированной учебной нагрузки для вузовских преподавателей, финансирования значимых исследований и публикаций, большего объёма научных командировок, необходимых для диалога, который может обеспечить реальную совместность ранее живших в разных государствах учёных.

– Какие направления дискурсологии, на Ваш взгляд, более всего востребованы с научной и политической точек зрения?

– Ограничусь перечнем проблем, которые затрагивались и обсуждались на названной выше конференции и были признаны актуальными для дискурсологии: проблема дефиниций стиля, текста, дискурса (в условиях особых парадигмальных отношений, в которых сошлись диахрония и синхрония, традиционное и новое, каждое из понятий увеличило степень энтропии); концепция дискурса в языкознании, политологии, социологии, литературоведении (возможность интеграции достигнутого знания); динамика жанра (масс-медийного, художественного, PR-жанров) и её отражение в построении соответствующего дискурса; когнитивно-языковой параметр сопоставления дискурсов и дискурсивных практик. Уже этот далеко не полный перечень свидетельствует о том, что эпистемологическая «недогруженность» дискурсологам не грозит.

– Ваш мастер-класс на конференции в Ялте называется «Языковая личность vs. дискурсивная личность». Не могли бы Вы хотя бы кратко рассказать нашим читателям, чем дискурсивная личность отличается от языковой личности.

– Началом научной биографии концепта «языковая личность» можно считать 1987 год – время выхода книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». Каждое из по-

ложений этого научного бестселлера в последующие годы получило мощное развитие: языковая личность и национальный характер, лингводидактическое представление языковой личности и её структура, художественный образ и языковая личность, лексикон и грамматикон языковой личности, лингвокогнитивный уровень в структуре личности, коммуникативные потребности личности и др. Был пройден большой путь от предпосылок включения «языковой личности» в объект науки о языке до глубокого и продуктивного освоения понятия на большом объёме разнообразного текстового материала.

Менялся мир, а вместе с этим и взгляд на мир и место человека в нём. Создался некий эпистемологический разрыв между концептом «языковая личность» и достижениями в описании личности в дискурсологии. Появилось основание для такого мнения: научный концепт «языковая личность, так много давший лингвистам, социологам, педагогам, потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» (А.Н. Баранов). Уровень состояния дискурсологии, накопление опыта интерпретации дискурсивных практик позволяет перейти к новой категоризации языковой личности через обозначение её как дискурсивной личности. Дискурсивная личность – носитель ментальных моделей, на основе которых организуется её дискурсивное поведение в разных коммуникативных ситуациях (дискурсиях, которые представляют собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов); дискурсивная личность отражает взаимосвязи дискурса и общества, проявляет себя как личность речевая, коммуникативная, словарная, этносемантическая, лингвокультурная; дискурсивная личность – это коммуникативная (интерактивная) личность, обладающая «коммуникативным паспортом» (И.А. Стернин) как совокупностью стратегий и тактик организации общения в разных типах дискурсий, когнитивными, семиотическими, мотивационными предпочтениями, сформировавшимися в процессе речевых практик.

– **Лара Николаевна, продолжаете ли Вы заниматься политической коммуникативистикой и политической лингвистикой?**

– Статья «Информационная война ad infinitum: украинский вектор» несколько месяцев назад была напечатана в ж. «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2014 год, № 2). После этой, благословлённой А.П. Чудиновым, публикации я взяла тайм-аут: от политической лингвистики, как и от политики, устаёшь. Но сбор фактического (языкового, текстового) материала по инерции продолжается. В моей картотеке много чего собралось: современная информационная война по большей части является войной агональных неймингов. Придёт пора для обобщений.

– **Какие авторы и научные журналы привлекают Ваше постоянное внимание?**

– Круг чтения, с одной стороны, сузился (чтение «без фильтра» исключается: слишком дорого время), с другой – расширился за счёт внимания к философским работам (мой любимый философ – М.К. Мамардашвили) и к исследованиям, которые обладают большим стимулирующим потенциалом, по крайней мере, для меня. Например, исследования группы «Логический анализ языка» (последнее из прочитанного – «Адресация дискурса»). Для меня важна личность учёного, его стиль, степень знакомства, воспоминания о встречах на конференциях. Стараюсь следить за тем, о чём и как пишут такие замечательные учёные, как А.В. Олянич, Е.А. Кожемякин, В.К. Харченко, Э.Р. Лассан, О.Ф. Русакова, Н.И. Клушина и др. Недавно А.С. Нилогов (автор проекта «Современная русская философия») прислал книгу «Философия антиязыка». С интересом знакомлюсь с жанром экстремальной философии, связанным с именем этого автора. Чтение материалов электронного научного журнала «Современный дискурс-анализ» и научного журнала «Дискурс-Пи» (особенного после знакового для моей биографии личного знакомства с О.Ф. Русаковой) обязательно. Большой объём чтения связан с разработкой новых учебных курсов: «Филология в системе современного гуманитарного знания», «Русское коммуникативное поведение», «Эволюция норм современного русского языка», «Текст и дискурс», «Дискурсология». К сожалению, художественная литература уступает место научной. В электронной книге сейчас – С. Минаев, Януш

Вишневский и прекрасный роман Элизабет Гильберт «Есть, молиться, любить».

– *Что Вы думаете о возможности совместного исследовательского проекта с Уральской школой политической дискурсологии, существующей на базе Института филологии и права УрО РАН (г. Екатеринбург)?*

– Совместный исследовательский проект, по моему глубокому убеждению, возможен

в русле концептуальной интеграции (conceptual blending) политологии и лингвистики. Этот междисциплинарный дискурс находится в постоянном накопительном движении. Выявление трансдисциплинарных категорий и методов, хороший коммуникативно-прагматический аудит даст возможность расширить представление о современном культурном и ценностном пространстве.

DISCOURSEOLOGY AS A DESTINY

Interview with Lara Nikolaevna Sinelnikova

Prepared and Conducted by O. F. Rusakova